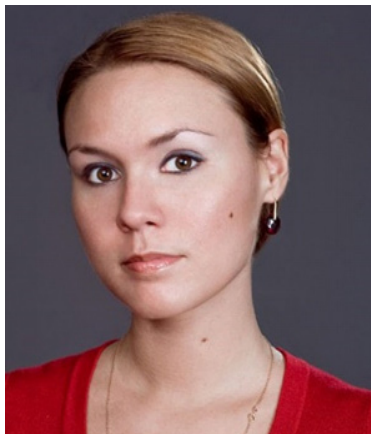

МЕНТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Коровникова Наталья Александровна

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), (Москва, Россия)

Аннотация. В статье раскрываются представления о ментальном пространстве, а также угрозы его функционированию и развитию в условиях цифровизации. Показано взаимодействие ментального и образовательного пространств. Описана взаимосвязь ментальной, образовательной и национальной безопасности в контексте перехода в цифровую эпоху.

Ключевые слова: ментальное пространство; образовательное пространство; безопасность; цифровизация.

Для цитирования: Коровникова Н.А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – № 1. – С. 107–118.

URL: <https://sns-journal.ru/>

DOI: 10.31249/snsn/2020.01.08

Введение

На современном этапе глобальной эволюции цифровизация представляет собой один из основных трендов мирового развития. Повсеместный характер цифровизации объясняет не только существенные модификации материально-производственной сферы, обусловленные переходом к цифровой экономике, но и значительные трансформации «в сфере когнитивных процессов, к которым обычно относят память, внимание, восприятие, понимание, мышление, процессы принятия решений» [Современная когнитология, 2014, с. 133].

Переход в цифровую эру предполагает постоянную и своевременную адаптацию к динамичному изменению среды на всех уровнях: личностном, групповом, национальном и глобальном. В связи с этим качество человеческого капитала и его интеллектуальная составляющая, которые являются непосредственным результатом образовательных процессов, становятся важнейшими факторами как экономического роста, так и национальной безопасности. В связи с этим требуется более детальное изучение рисков и перспектив цифровизации с точки зрения обеспечения безопасности ментального пространства (ментальной безопасности), которая представляется актуальным объектом междисциплинарных исследований.

Ментальное пространство: понятия, особенности, риски

На сегодняшний день в экспертной среде не сложилось единого подхода к определению смежных понятий «менталитет», «ментальность», «ментальное пространство» – их значение часто обусловлено ракурсом конкретного исследовательского проекта.

В широком смысле «менталитет» – это «образ мысли, совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку и человеческой общности» [Богданова, 2015]. Его рассматривают как «фундаментальный слой коллективного поведения, деятельности, эмоционального реагирования на различные ситуации, присущие данному этносу или устойчивой социальной группе» [Дзялошинский, 1996], который формируется «в подсознании, но постоянно впитывает в себя то общее, что складывается из природных данных и социально обусловленных элементов и в конечном итоге выражается в представлении о жизни и окружающем мире», а также «отражает устойчивые привычки, нравы и формы поведения» социума [Богданова, 2015]. Выделяют следующие уровни (разновидности) менталитета: «индивидуальный»; «космоцентрический» или теократический («все сущее» – творение Бога); «социоцентрический» («растворение» личности в «Мы»-общности); «эгоцентрический» (стремление к власти) [Дзялошинский, 1996].

Понятие «ментальность» подразумевает «способ видения мира, сформированный в процессе воспитания, образования и обретения жизненного опыта в конкретной культурной среде» [Сидоров, 2015, с. 85], который аккумулирует «морально-нравственные ценности, набор психологических и поведенческих реакций, особенности адаптации» [Что такое ментальность, 2019]. Данное понятие включает в себя «константы» жизненных установок, моделей поведения, эмоций и настроений», «опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [Дзялошинский, 1996]. Ментальность как многоаспектный феномен, который охватывает сферы сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, представляет собой источник мышления, веры, чувств и эмоций, детерминированный конкретными историческими условиями жизнедеятельности социума, в настоящих условиях – особенностями цифровых трансформаций.

В научный оборот (первоначально в когнитивную лингвистику) термин «ментальное пространство», как «постоянно модифицируемый когнитивный конструкт», был введен Ж. Фоконье и М. Тернером в рамках теории концептуальной интеграции (англ. Blending Theory) и теории ментальных пространств (англ. Mental Space Theory) [Ирисханова]. В современном научном дискурсе понятие «ментальное пространство» стало применяться в разных областях, включая психологию мышления, психосемантику, психолингвистику, компьютерную лингвистику и инженерию знаний [Шамаев, 2002]. Особую популярность данный термин приобрел в 1980-е годы в связи с «лавинообразной компьютеризацией мира», способствовавшей формированию новой «образной организации» ментальных пространств человека, которые являются продуктом внутренней психической деятельности («умственно создаваемые построения»), имеют эмпирические характеристики различных образных ментальных репрезентаций, выполняют когнитивную функцию «временно сохранять релевантную для субъекта информацию, а также результаты ее преобразований в процессе понимания» [Осорина, 2017, с. 6–10].

Типы ментальных пространств, обусловленные особенностями их основ – менталитета и ментальности, – подразделяются на «ассоциативные» (связи «элемент – элемент»); «с ограничениями по типам связей» (антонимия, синонимия); «с более сложными ограничениями на классы элементов и типы связей»; «пространственно-временные» (соотношения, образующие континуум во времени и пространстве) [Шамаев, 2002]; а также классифицируются в зависимости от степени развития общества, расовой принадлежности, гендерных признаков, возрастных характеристик, религиозных и / или идеологических убеждений, уровня интеллекта (образованности) [Что такое ментальность, 2019].

Перспективы дальнейшей (в том числе цифровой) эволюции ментальных пространств предполагают: применение пространственно-временного способа кодирования и организации когнитивного (ментального) материала; возможность использовать «величину ментального объекта как

показатель его значимости»; приватность образования и функционирования когнитивных структур [Осорина, 2017, с. 13–14]; снижение уровня аналитического мышления на фоне развития интуитивного и / или творческого мышления [Современная когнитология, 2014, с. 141].

В условиях цифровизации важную организующую роль в создании и управлении ментальными пространствами стали играть определенные технологические структуры, формирующие ментальный мир современного человека, например такие компании, как Apple, Google, Facebook, YouTube, Snapchat, Instagram и др. На сегодняшний день они обладают наиболее эффективными инструментами влияния на ментальность населения, более значимыми, чем религии и государственная власть [Почепцов, 2018].

Все субъекты современных ментальных пространств столкнулись с необходимостью цифровой трансформации, которая предполагает изменение моделей поведения и бизнеса на основе применения новых информационных и сетевых технологий [Вызовы цифровой экономики, 2019, с. 401–403]. Повсеместная компьютеризация и цифровизация значительной части ментального пространства на всех иерархических уровнях имеет целый ряд положительных эффектов: динамичность развития, рост качества жизни, совершенствование человеческого капитала, личностный и социальный прогресс и т.п. Однако имеют место и отрицательные последствия для эволюции ментальной сферы. Эксперты называют следующие:

– ментальные вирусы и эпидемии (психические и психосоматические расстройства и состояния индивидуального и общественного сознания)¹ [Сидоров, 2015, с. 85];

– рост количества и разновидностей ментальных расстройств, например: «синдром рассеянного внимания»; «синдром ментального иммунодефицита»; «синдром экзистенциальной безысходности»; «деструктивный социогенез» (растущая социальная деформация, усиление депривационно-изоляционных трендов, распространение псевдообщественных институтов); «деструктивный психогенез» (кризис индивидуальной и коллективной идентичности, деформация индивидуального и общественного сознания); «деструктивный анимогенез» (культуральная деформация, нарушение морально-нравственной социализации, деградация образовательных систем, маргинализация и унификация общественной жизни) [Современная когнитология, 2014, с. 134; Сидоров, 2015, с. 89–90];

– культурная гипертекстуальность (нелинейная, ассоциативная генерация идей), развивающаяся в результате непрерывно растущего объема информации, языковых трансформаций, виртуальной коммуникации, распространения «кнопочной культуры» и «киберязыка» («e-language»), а также повсеместной визуализации культуры [Современная когнитология, 2014, с. 134–136, 140];

---

¹ Исследование ментальных вирусов и эпидемий осуществляется в рамках нового научного направления – ментальной эпидемиологии, – изучающей различные угрозы (события, состояния и т.п.) ментальному здоровью личности и возможности «адаптивной защиты общественного ментального здоровья» [Сидоров., 2015, с. 85].

– формирование субкультур деструктивной направленности, прежде всего молодежных (например, феномен группы NEET, которую объединяет удовлетворение потребности в коммуникации исключительно в цифровом пространстве), псевдозанятости, отсутствия важных морально-нравственных качеств (трудолюбия, ответственности и др.), эгоистической потребительской идеологии, отрицания обязательности труда и т.п. [Ломоносовские чтения, 2019, с. 583];

– изменение направленности когнитивных процессов, переход от рационального мышления к «клиповому мышлению» (которое предполагает «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними», а также характеризуется фрагментарностью информационного потока, алогичностью и гетерогенностью воспринимаемой информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, «отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира») [Современная когнитология, 2014, с. 137–138];

– снижение словесно-логической памяти, выражающейся в восприятии метаинформации, т.е. информации о месте ее хранения в цифровом пространстве [Современная когнитология, 2014, с. 140];

– «утечка мозгов» и ментальных ресурсов в социальные сети, в результате которых широкое распространение получил психологический таргетинг¹, подразумевающий создание индивидуальных психологических портретов и использование личной информации пользователей [Почепцов, 2018];

– поляризация и фрагментация социума, которые выражаются в крайних формах индивидуализма, росте экономического неравенства, различных видах терроризма (в том числе ментально-информационных), дегуманизации социально-трудовых и экономических отношений [Ломоносовские чтения, 2019, с. 578; Золотухин М.А., 2018, с. 119] и нарастании депопуляционных трендов [Сидоров, 2015, с. 89];

– преобладание деструктивного использования сетей над деятельностью «киберполицейских» [Почепцов, 2018] в результате недостаточной правовой грамотности большинства пользователей, а также разобщенности лиц и организаций, обеспечивающих безопасность в цифровом и, как следствие, в ментальном пространстве.

Образование как фактор формирования ментального пространства

Цифровизация существенно трансформирует традиционные хозяйственные отношения и бизнес-модели. В современных условиях основным фактором производства, социального развития и экономического роста становится кадровый потенциал с новыми информационно-сетевыми

---

¹ Таргетинг (от англ. target – цель) – рекламный механизм, позволяющий выделить целевую аудиторию и показать рекламу именно ей.

свойствами, функциями и компетенциями [Вызовы цифровой экономики, 2019, с. 373]. Важнейшим инструментом их генерирования является образование.

Цифровизация материально-производственного и ментального (когнитивно-аксиологического) пространства в целях формирования цифровой ментальности предполагает модификацию современного образования с внедрением новейших методов и инструментов (особенно в области высшего образования), при безусловном сохранении «глубины и фундаментальности» традиционных образовательных форм [Актуальные проблемы менеджмента, 2017, с. 50; Ломоносовские чтения, 2019, с. 526].

Сфера общественно-профессиональной деятельности, которая направлена на формирование индивидуальности, увеличение человеческого капитала, укрепление духовного, интеллектуального и экономического потенциала общества – другими словами, на непрерывное целенаправленное социокультурное воспроизводство ментального пространства индивида, социума и государства, – выступает в качестве образовательного пространства [Золотухин, 2018, с. 118]. Образовательное пространство включает знания, накопленные обществом; умения, навыки и компетенции населения; сеть образовательных учреждений, образовательную инфраструктуру; систему финансирования образовательной деятельности; регулирующие политико-правовые нормы.

Обеспечение соответствия развития образовательного пространства потребностям процесса цифровизации в современных условиях требует:

- формирования системы трудовых отношений, отвечающих реалиям цифровой эпохи, и их нормативно-правовое закрепление;
- создания вариативной аттестации компетенций согласно профессиональным и образовательным стандартам национальной и международной систем квалификаций;
- разработки базовых образовательных программ, обеспечивающих цифровую грамотность кадров;
- реализации стратегии непрерывного образования, в том числе механизмов переподготовки, повышения квалификации и вовлечения в цифровую экономику возрастных социальных групп (специалистов старше 50 лет, пенсионеров и инвалидов), а также государственных служащих и самих педагогических работников;
- создания эффективной системы мотивации участия населения в мероприятиях по переходу в цифровую эпоху [Актуальные проблемы менеджмента, 2017, с. 51];
- повышения влияния современного образования на процесс формирования менталитета независимо от профиля и уровня образовательного учреждения [Богданова, 2015];
- подготовки трудовых ресурсов в соответствии с тем, что наукоемкий труд становится основой экономического роста [Актуальные проблемы менеджмента, 2017, с. 53];

– выработки инновационных стратегий в области обучения персонала работе с новейшими технологиями «цифровых сервисов» [Актуальные проблемы менеджмента, 2017, с. 555–556].

В свою очередь, формирование и адаптация ментального пространства к новым «цифровым» условиям посредством образования предполагает решение следующих задач: 1) трансляции наиболее стабильных исторически сложившихся духовных, мировоззренческих и культурных ценностей в качестве нравственных ориентиров; 2) обогащения индивидуальных и общественных ментальных качеств конкретного социума нравственными общечеловеческими идеалами; 3) коррекции и преобразования «ментальной энергии» социума на достижение целей цифровизации [Богданова, 2015]; 4) последовательной разработки и внедрения конкурентоспособных образовательных цифровых инноваций; 5) создания и накопления готового к деятельности высококвалифицированного человеческого капитала [Актуальные проблемы менеджмента, 2017, с. 558–559].

Адекватная модификация современного образования подразумевает: рост затрат на образование на уровне личности, организации, государства, мира; усложнение структуры высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура, дополнительное образование); коммерциализацию части образовательных услуг; коммодитизацию (обезличивание) за счет обеспечения доступности учебных материалов с помощью цифровых технологий [Золотухин, 2018, с. 118]. Одновременно происходит формирование специфической культуры «неявного знания», которая повышает результативность прочих знаний, умений и навыков, и включает следующие составляющие: а) культуру работы с данными; б) культуру работы с научной и иными видами информации; в) культуру использования количественных методов; г) культуру сочетания традиционных методов проверки гипотез с новыми методами и принципами обработки данных [Ломоносовские чтения, 2019, с. 527].

Цифровые трансформации образовательного пространства, непосредственно влияющие на изменения в ментальной сфере социума, предполагают адаптацию нормативно-правового обеспечения образовательных процессов к условиям цифровизации; готовность учебных заведений к внедрению и использованию новых образовательных технологий; создание благоприятных организационных и экономических условий для развития новых направлений и программ подготовки востребованных кадров [Ломоносовские чтения, 2019, с. 487, 580].

К числу новейших образовательных инструментов и методов цифровой эпохи относятся [Ломоносовские чтения, 2019, с. 487, 506–507]:

– онлайн-коучинг¹, который при минимальных требованиях к программному и аппаратному обеспечению становится широко и повсеместно доступным;

---

¹ Метод консалтинга и тренинга (англ. *coaching*), в процессе которого человек, называемый «коуч» (личный тренер), помогает обучающемуся достичь некой жизненной или профессиональной цели.

- образовательные интернет-платформы, представляющие новейшие направления (цифровая журналистика и т.п.) и учебные курсы от ведущих вузов (наиболее известные российские платформы – «Открытое образование» и «Универсариум»);
- облачные технологии хранения и обработки данных, позволяющие при низких технологических затратах и простоте использования стимулировать взаимодействия субъектов образовательного пространства;
- концепция BYOD («Принеси свое собственное устройство»), в рамках которой обучаемый сам управляет учебным процессом (определяет темп обучения, оценивает прогресс и т.п.) при условии адаптации образовательных продуктов под личные гаджеты;
- машинное обучение, которое персонализирует образовательный процесс, позволяет применять большие массивы данных (Big Data) и создавать индивидуальные образовательные «маршруты»;
- голосовые помощники («электронные ассистенты»), помогающие овладеть цифровыми технологиями в рамках игровых образовательных программ;
- VR&AR («виртуальная и дополненная реальность»), которая связывает дистанцированных субъектов образования и помогает им коммуницировать в увлекательной игровой форме в рамках виртуальных «интернет-аудиторий».

Однако несмотря на очевидные преимущества, цифровизация образования несет в себе определенные риски. К их числу специалисты относят: а) высокую цену виртуального оборудования при невысоком качестве учебного контента, который не всегда отвечает образовательным целям; б) захват образовательного пространства «информационными» игроками (информационными агрегаторами); в) вероятное сокращение рабочих мест; г) негативное влияние технологических новаций на ментальное пространство (см. выше) [Ломоносовские чтения, 2019, с. 585–586].

Формирование цифровой ментальности в значительной степени происходит в ходе «онлайн-образования». Результативность последнего во многом зависит от успешного развития корпоративного онлайн-обучения; обеспечения конкурентоспособности в области экспорта образовательных услуг; ориентации на стратегию развития человеческого капитала; применения иностранных языков в образовательных программах [Ломоносовские чтения, 2019, с. 488–489].

Образовательные и ментальные аспекты национальной безопасности

Понятие «безопасность» можно трактовать как «положение, состояние и функционирование объекта, при котором наличие и действие деструктивных факторов не влечет его деформации... исключается или нейтрализуется возможность причинения... какого-либо ущерба, вреда либо придания его развитию нежелательных динамики или параметров» [Фельдман, 2011, с. 21]. Такая трактовка безопасности представляется особенно актуальной в условиях «общества риска», в ко-

тором разработка и применение все более совершенных технологий порождает угрозы его жизнедеятельности [Фельдман 2011, с. 34], поскольку предполагает способность и постоянную готовность социума к адекватному ответу на новые вызовы.

Особую роль в обеспечении безопасности играет сфера образования, в рамках которой создаются «глубинные механизмы самоопределения и информационно-культурного иммунитета», воспроизводится интеллектуальный потенциал общества [Фельдман, 2011, с. 24–25]. В свою очередь, необходимы гарантии безопасности и для самого образовательного пространства. Они обеспечиваются как непосредственно субъектами образования, так и представителями других отраслей, в первую очередь сферы культуры и систем жизнеобеспечения. Это предполагает проведение соответствующей политики и своевременную реализацию концепции или системы взглядов на защиту всех участников образовательного процесса от угроз для их жизни и здоровья [Золотухин, 2018, с. 117].

Очевидна связь безопасности образовательного пространства с национальной безопасностью. Национальная безопасность является необходимым условием формирования, развития и функционирования образования, в то время как образовательный потенциал представляет собой важнейший ресурс и инструмент национальной безопасности. Стратегическая значимость образования для обеспечения национальной безопасности объясняется, в первую очередь, тем, что оно формирует культуру безопасности на личном, групповом и государственном уровне.

На современном этапе цифровизации цель государственной политики в области безопасности образовательного пространства заключается в обеспечении безопасного доступа к качественным образовательным ресурсам. Ее достижение предполагает за счет комплексного применения различных инструментов правового, экономического и организационного характера [Фельдман, 2011, с. 17–18]. Основными задачами являются [Золотухин, 2018, с. 119–120]:

- разработка и внедрение нормативно-правовых, научно-методических и организационных основ формирования безопасного образовательного пространства;
- межведомственный, комплексный и многоуровневый подход к формированию безопасной учебной среды;
- совершенствование профессиональной компетентности и механизмов аттестации субъектов обеспечения безопасности;
- создание соответствующих социальных условий, поддерживающих комплексную безопасность всех участников образовательного процесса;
- выработка критериев эффективности функционирования отрасли образования в системе национальной безопасности.

Системный подход к проблеме безопасности предполагает введение понятия о ментальном иммунитете [Сидоров, 2015, с. 82], а также учет аксиологических целей и нравственных ориенти-

ров развития общества и государства. Для обеспечения ментальной безопасности, которую можно определить как «безопасный инжиниринг и менеджмент индивидуального и общественного сознания» [Сидоров, 2015, с. 87] и / или «нравственную устойчивость личности и общества к деструктивному воздействию...» [Миронов, Никитина, 2017, с. 183], разработаны и применяются различные инструменты. Например, на предотвращение угроз цифровизации направлены следующие когнитивные модели: «глубокая защита» (Defense in Depth), «цепочка киберубийства» (Cyber Kill Chain), «намерение доказательства» (Evidence Intention) и т.д. [Сандерс, 2019].

К основным показателям ментальной безопасности отечественные специалисты относят: уровень преступности и насилия, а также бедности, безработицы и социального расслоения в обществе. Кроме того, анализируется количество ментальных и социальных эпидемий; сочетание здорового образа и нравственного смысла жизни; баланс общечеловеческих и национальных ценностей и целей; адаптивность «профессиогенеза» и непрерывность образования; эффективность «самоменеджмента»; сформированность, стабильность и реализованность нравственных чувств, позиции и поведения; степень патриотизации и т.п. [Сидоров, 2015, с. 87–88].

Ментальная безопасность, которую можно рассматривать как ментальное измерение национальной безопасности, выполняет следующие функции: 1) регулятивную (обеспечивает управление различными ресурсами безопасности); 2) интегративную (аккумулирует разные уровни ментального иммунитета – от личности до социума); 3) адаптивную (обеспечивает приспособление к постоянно изменяющимся внешним и внутренним условиям и ресурсам безопасности); 4) резонансную (подразумевает приспособление к вызовам цифровизации); 5) кумулятивную (состоит в постепенном накоплении и моментальной мобилизации защитных ресурсов в критические периоды); 6) прогностическую и 7) интериоризационную или формирующую «внутренние паттерны защиты через усвоение внешних алгоритмов» [Сидоров, 2015, с. 86].

Эксперты подчеркивают взаимосвязь между ментальной и экономической безопасностью. Этот механизм в общем виде можно представить следующим образом: экономический менталитет включает культурные навыки хозяйственной деятельности, которые, в свою очередь, влияют на экономическую безопасность. В контексте цифровизации выделяют индивидуальные и общекультурные (ментальные) угрозы экономической безопасности. Первые состоят из деформаций в сознании индивидуума, вызванных оторванностью финансовой сферы от производства, недостаточно развитой мотивацией к эффективному экономическому поведению (способам сбережения и накопления) и т.п. Вторые предполагают искажения в общественном сознании, которые могут принести ущерб национальной экономике, например в результате «утечки капитала» и т.п. [Прудникова, 2015].

Обеспечение ментального аспекта национальной безопасности в условиях цифровизации должно предусматривать реализацию соответствующей стратегии, которая включает следующие элементы [Сидоров, 2015, с. 91–93]:

- саморазвитие (личности, общества и т.д.);
- «адаптивное расширение сознания» по отношению к актуальным событиям;
- перманентная самоидентификация или сохранение восприятия своей личности при изменении социальных условий;
- асимметричная когерентность, заключающаяся в системности и целостности восприятия реального и виртуального мира при безусловном приоритете первого.

Обеспечение ментальной безопасности общества является не только информационно-технологической и правовой, но и педагогической задачей, поскольку деструктивное воздействие (в том числе экстремистских и криминальных групп) направляется, в первую очередь, на молодежь [Миронов, Никитина, 2017, с. 183]. В связи с этим необходима образовательная профилактика деструктивных воздействий на ментальное пространство, включающая превентивные меры духовно-нравственного, патриотического воспитания и образования. Именно такие образовательные (педагогические) практики могут стать базой для эффективного противодействия негативным цифровым эффектам (например, информационному экстремизму), а также инструментом комплексного обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации.

Заключение

Процессы цифровизации затрагивают не только материально-техническую сферу, но и ментальное пространство современного социума, аккумулирующее аксиологические и когнитивные составляющие индивидуального и общественного сознания. Позитивное влияние цифровизации проявляется в совершенствовании кадрового потенциала, преумножении интеллектуального капитала, личностном и социальном прогрессе. Одновременно распространение цифровых технологий продуцирует и целый ряд негативных феноменов ментального пространства (ментальные вирусы и эпидемии, ментальные расстройства, культурную гипертекстуальность, деструктивные социальные группы, «клиповое мышление», фрагментацию социума и т.д.).

Образование является важнейшим фактором формирования цифровой ментальности (современного ментального пространства), при условии сохранения и адаптации фундаментальных традиционных образовательных форм и внедрения новейших образовательных методов и инструментов.

На современном этапе развития обеспечение безопасности государства зависит от потенциала образовательного пространства, которое включает знания, умения и навыки, накопленные социумом; образовательную систему и инфраструктуру; политико-административные нормы образовательной деятельности. Безопасность ментального пространства является ментальным (когни-

тивно-аксиологическим, духовным) измерением национальной безопасности, обеспечение которого зависит от эффективной реализации всех элементов соответствующей стратегии – самоактуализации, «адаптивного расширения сознания», самоидентификации, системности и целостности восприятия мира.

Комплексный подход к национальной безопасности предполагает гарантию ее ментальных и образовательных аспектов путем своевременного применения всей совокупности средств и ресурсов социума в соответствии с условиями повсеместной цифровизации общества в XXI в.

Список литературы

- Актуальные проблемы менеджмента: производительность, эффективность, качество // Материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2017. – 10.11. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/9155/1/сб-Актуальные%20проблемы%20менеджмента-2017.pdf> (Дата обращения: 11.03.2020.)
- Богданова А.А.* Формирование менталитета личности: учет универсального и специфического // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4, 10.07. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20459> (Дата обращения: 11.03.2020.)
- Вызовы цифровой экономики: итоги и новые тренды: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т, 2019. – 696 с.
- Дзялошинский И.М.* Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности. – М.: Восток, 1996. – URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/russ-jornal/4-1.html> (Дата обращения: 10.03.2020.)
- Золотухин М.А.* Концепция безопасности образовательного пространства // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018. – № 1(43). – С. 117–120.
- Ирисханова О.* Ментальное пространство // СКОДИС Центр социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ. – URL: <http://scodis.ru/студентам/глоссарий/ментальное-пространство/> (Дата обращения: 10.03.2020.)
- Ломоносовские чтения-2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. – 1046 с. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56275&p=attachment> (Дата обращения: 10.03.2020.)
- Миронов И.Л., Никитина С.С.* Ментальная безопасность России: педагогические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 182–184.
- Осорина М.В.* Ментальные пространства как психическая реальность // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, вып. 1. – С. 6–24.
- Почепцов Г.* Как информационные технологии атакуют ментальное пространство человечества // ResearchGate GmbH. – 2018. – 05.11. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328738753_Kak_informacionnye_tehnologii_atakuut_mentalnoe_prostranstvo_celovecestva (Дата обращения: 11.03.2020.)
- Прудникова А.С.* Экономический менталитет как основной фактор личной экономической безопасности // Электронный научно-практический журнал «Психология, социология и педагогика». – 2015. – 06. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/06/5352> (Дата обращения: 12.03.2020.)
- Сандерс К.* Ментальные модели в информационной безопасности // Хабр. Сообщество IT-специалистов. – 2019. – 03.06 – URL: <https://habr.com/ru/post/454596/> (Дата обращения: 12.03.2020.)
- Сидоров П.И.* Синдром приобретенного ментального иммунодефицита // Медицинский академический журнал. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 82–95.
- Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики / научн. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. – 228 с.
- Фельдман О.А.* Образовательный потенциал системы национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – 2011. – URL: <http://cheloveknauka.com/obrazovatelnyy-potentsial-sistemy-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (Дата обращения: 10.03.2020.)
- Что такое ментальность: здоровье и болезнь на ментальном уровне // KtoNaNovenkogo.ru. – 2019. – 04.10. – URL: <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/mentalnost-что-это-такое-entalnogo-rasstrojstva-zdorovya.html> (Дата обращения: 11.03.2020.)
- Шаммаев А.Э.* Концепция ментальных пространств как способа организации прагматических значений в интеллектуальных системах, использующих ее // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2002. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/shamaev/> (Дата обращения: 12.03.2020.)